

и свободно уйти в темную, беспроглядную ночь на край пропастей, где каждый шаг грозит гибелью; не могут уйти от сна жизни, в которой мы, нечувствительные к самым важным вещам, блуждаем с непоколебимой уверенностью в самоочевидности и общеобязательности выработанных научным методом философских истин. Но кто хочет свободно видеть и слышать в философии, тот должен прежде всего вырвать грешный логический «глаз», создающий иллюзию «вечных» общих понятий, и заменить его метафизическим чутьем — особенным чувством, еще не нашедшим себе места в современной психологии (с. 276). Тогда и только тогда он найдет дорогу во тьме тысячи и одной ночи к одиноким вершинам-великанам, к мгновенным озарениям мятущихся душ, к единичным истинам, позолоченным первыми лучами восходящего солнца.

Философия — самое значительное (Плотин) — не хочет и не может быть наукой: «...достаточно “понять”, т. е. сорвать и вкусить плод с дерева познания добра и зла, чтоб лишиться доступа к остальным чудесным деревьям, в таком роскошном изобилии наполнявшим сады Эдема» (с. 108). «Ведь разум и есть тот огненный меч, которым отгоняет поставленный Богом ангел людей от врат Эдема» (с. 278). «Общее» и «необходимое» подрезывает корни дереву жизни. Нужно взрывчатым материалом единичного опыта взорвать ту общую стену, которой мы себя добровольно окружили, чтобы выйти на простор к истокам всего, чтобы вновь найти потерянного Бога.

С. В. ЛУРЬЕ

Странник по душам

(По поводу «Власти Ключей» Льва Шестова)

«Странствование по душам» — заглавие книги Льва Шестова, имеющей появиться в ближайшем будущем на французском языке. Заглавие это, в сущности, применимо ко всему, что до сих пор вышло из под его пера. Свой опыт и свои искания он проверяет на живом опыте великих людей прошлого и настоящего, и по характеру своего «странствования по душам», по подходу к философской и религиозной проблеме, он занимает совершенно особое место в философской литературе, в частности в русской философской литературе. Наши философы устремлены вперед; для них прошлое философии — ряд ступеней для дальнейшего восхождения. Философия не разрешила «проклятых вопросов», мучительно тревожащих мысль, по крайней мере, не дала бесспорных, определенных ответов, какие дает в своей

области наука. Остается искать дальше, и пользуются философы прошлым философии большею частью как средством для того, чтобы не повторять уже сделанных ошибок и не потерпеть вновь неудачи, постигших философию в прошлом.

Лев Шестов стремится не вперед, а вглубь. Он, по-видимому, плохо верит в новые открытия в области философии и думает, что если не все, то главные открытия уже сделаны. Но открытия эти таковы, что их вновь открывать нужно. Сами авторы сознательно и бессознательно скрывали их и прятали от тех, для кого они писали свои книги. Открытия были слишком необыкновенны, иногда, быть может, даже чудовищны, не только в глазах образованной толпы, но самого философа; он заметал следы, прятал свои открытия под покров «системы». И если сам философ в глубине души не испытывал удовлетворения от этого метода, то почти всегда оставались удовлетворенными ученики и читатели.

Лев Шестов на заре своей жизни как философа нечто открыл и удивился. Так непохоже было рожденное им детище на других детей его собратьев! Удивился, но не отшатнулся от «урода» и задумался над странным явлением. Где искать его разгадки? У кого спросить? Наука и разум на подобные вопросы не отвечают. Им до них нет дела: урод случайность, слепая игра природы — и все тут; а наука и разум не занимаются уродливым и случайным. Остается одно: искать, не бывало ли подобных катастроф раньше. Таковы ли на самом деле, как кажутся, законченные, занимательные системы, не являются ли они маскою, за которую скрыто нечто, не обладающее ни стройностью, ни разумной последовательностью, ни строгой логичностью, но зато подлинное и живое, как подлинным и живым чувствовал в себе Л. Шестов своего «урода». И отправился Шестов в странствие по душам великих людей и странствует по сей день. Где только не перебивал он! Шекспир, Ницше, Толстой, Достоевский, Чехов, Ибсен, Спиноза, Платон, Плотин и длинный ряд философов с древнейших времен до ныне здравствующих были этапами его пути. И в каждой великой душе, к которой он прикасался, он обнаруживал открытия, ею сделанные, выношенные часто в страданиях, рожденные в муках, — уродливые, а иногда и ядовитые плоды но преподнесенные ученикам в обезвреженном и легко воспринимаемом виде.

Шестов мало заботился о том, что говорили вслух художники и мыслители, его не занимает анализ и критика систем: он ищет того, чем жили эти люди, подслушивает звуки, исходящие из глубин души и притупленные суетным шумом ее поверхностных слов. Он ищет подлинного света и устраняет затемняющие его покровы. Дело трудное и опасное. Как смотреть на ослепительный свет, в какой земной сосуд собирать огненную мысль, испепеляющую все земное? Каким-то волшебством Шестов справился с своей задачей. Он подслушал чужие

тайны и рассказал о них в форме, которая по изяществу языка не имеет себе равной в нашей философской литературе.

Нет возможности рассказать в газетной заметке о жизненном деле Льва Шестова. Можно лишь указать общее направление его странствований, да и то с оговоркою: во-первых, слишком обширна захватываемая им территория, а главное потому, что мысль Шестова уже рождается в оболочке его слов. Перевести ее на ходячий философский воляпюк — значит содрать живую кожу и надеть на нее костюм из мастерской готового платья.

Жизнь человека, как и жизнь природы, скована закономерностью, порядком, непреложностью повторяющихся явлений. В общем люди приемлют этот порядок и подчиняются ему не за страх, а за совесть. Он объясняет и оправдывает их жизнь и избавляет от мучительной необходимости независимых исканий. Разум, философия и наука делают дело Великого Инквизитора, который предоставляет пасомому им стаду свободу исполнять предписанный им закон, освобождает его от обязанности судить и оценивать свои побуждения и поступки (все заранее оценено и известно), снисходит к его слабостям и сжигает на костре непослушных и бунтующих *ad maiorem gloriam* истины. Самодержавная закономерность знает, что велик соблазн заглянуть за ограду, воздвигнутую ею на месте, отведенном для спокойной жизни стада, — а за оградой царство хаоса, иррационального, непознаваемого. Для лучшего устрашения и предупреждения излишнего любопытства сама ограда разрисована картинами, изображающими сатанинскую греховность потустороннего. Правда, иррациональное, хаотическое и непознаваемое в этих изображениях подозрительно напоминает потустороннее и его незыблемую закономерность, но стадо, хотя бы и человеческое, на то и стадо, чтобы не догадаться, в чем здесь дело. Разрисованы картины на все лады и все вкусы. Они написаны богословами всех исповеданий, философами, идеалистами, материалистами, — словом, людьми всех званий, ибо в существе все они, несмотря на бесконечные взаимные пререкания, в одном согласны: мир в пределах ограды — единственно возможный для счастливой жизни.

Но благополучие оказывается более видимым, чем действительным. Во-первых, разум и философия в известный момент оказываются не совсем твердыми и на поставленные им вопросы, дают ответы сбивчивые и уклончивые. Во-вторых, внутренний неистребимый опыт бунтарских душ не выносит цепей закономерности и догадывается о несообразностях в расписанных картинах. Что же окажется за оградой обыденного опыта, санкционированного философией и наукой? Освобождение от закона и порядка, т. е. произвол. Чей произвол?

Мы видим таким образом, что основная проблема философии для Шестова — проблема религиозная, и я не знаю никого из современных писателей, кто в такой мере был бы одержим этой проблемой, как

он. Свою раннюю книгу о Толстом и Ницше он заканчивает словами: «нужно искать Бога», и во всех странствованиях это искание есть единственная, вдохновляющая его на подвижничество цель.

Нетерпеливый читатель спросит: нашел ли он Его? На этот вопрос я не отвечу. Пусть обратится с этим вопросом к Шестову, к его книгам и, прежде всего, вооружится терпением. Для того, чтобы добиться ответа Шестова, нужно проделать пройденный им путь. Если вопрос задан не из праздного любопытства и не для того только, чтобы ответ практически использовать, читатель не пожалует о трудностях пути и потраченном времени.

«Potestas clavium — Власть ключей», ныне появившееся отдельной книгой произведение последних лет. В этой книге ярко выступает новая черта зрелой мудрости Шестова, его почти любовное отношение к философским врагам. Он с ними борется, но с истинно рыцарским великодушием. Он предупреждает их об опасностях и подает им оружие, если оно случайно выпадает у них из рук... Он любит врага сильного и хорошо вооруженного не для победы над ним, а для того, чтобы в борьбе вернее найти самого себя.

Из сочинений Льва Шестова лишь немногие переведены на французский язык (на немецком языке готовится и скоро появится полное собрание). Я думаю, что не в интересах одной только пропаганды русской культуры, а в интересах культуры приютившей нас страны было бы ознакомление французских кругов с философией одинокого странника по душам.

Б. Ф. ШЛЁЦЕР

Паскаль и книга о нем Шестова (Chesttoff. La nuit des Gethsémani. Ed. Les Cahiers Verts)

В издании Грассэ, «Les Cahiers Verts», вышла по-французски, в переводе г. Экземплярского¹ «Гетсиманская ночь» Шестова, «Опыт о философии Паскаля». Книга небольшая, всего 160 страниц. Эпиграф — из Паскаля: «Иисус будет в агонии до конца мира. В течение этого времени не следует спать...»²

Среди обширной литературы о Паскале, значительно еще разросшейся в связи с его трехсотлетним юбилеем, этюд Шестова — явление исключительное: он выделяется самым отношением своим к автору «Мыслей», самым восприятием личности Паскаля, своим подходом к ней. Паскаль для Шестова не есть вовсе предмет научного истори-